

Концепт «счастье» в менталитете калмыков.

1. В современной лингвистике большое внимание уделяется изучению языка не только как средства общения, но и как стержневого компонента культуры народа. Ведь в языке и через язык народ передает свою неповторимую культуру, то, как народ оценивает окружающий мир, как видит его, себя в этом мире. Такой подход к языку позволил лингвистам ввести понятие «языковой картины мира» (параллельно понятию «концептуальная модель мира»). Считается, что в основе языковой картины мира современного человека лежат древние архаичные представления о мире, которые нашли отражение в мифологии и фольклоре. Вот почему сейчас особенно актуально изучение языка фольклора, важнейшего пласта культуры. Фольклорный материал при этом изучается под новым углом зрения: как источник для реконструкции архетипа культуры и этнического менталитета народа, изучения его трансформации в новых социально-экономических условиях, в том числе под влиянием другой культуры. В идеале исследование языковой картины мира должно приблизить нас к пониманию особенностей этнического менталитета. Этнический менталитет анализируется через ключевые культурные концепты, благодаря которым можно составить представление носителей данной лингвокультуры об окружающем мире. Поэтому большое внимание уделяется рассмотрению концептов, определяющих принадлежность индивида к тому или иному национально-культурному сообществу. Например, как специфически русские выделены и рассматриваются концепты «*тоска*», «*щедрость*», «*авось*».

Данная проблема на калмыцком материале анализировалась только Г.Ц. Пюрбеевым [1]. В своих публикациях Г.Ц. Пюрбеев обратился к сложным базовым концептам культуры - концептам «*душа*» и «*судьба*»

Нами предпринимается попытка рассмотрения концепта «счастье» в менталитете калмыков. Счастье - сугубо человеческое понятие, составляющее цель и надежду человеческой жизни. Это одна из общечеловеческих характеристик. Однако в наборе компонентов этого концепта, их иерархии можно видеть этнические предпочтения. Изменения в структуре концепта во времени возможны, они обусловлены изменениями социально-культурных условий обитания человека. Нет сомнения в том, что именно женщины особенно чувствительны, ярче в своих оценках, мироощущениях, поэтому ответы женщин, как нам представляется, при оценке изучаемого концепта наиболее интересны и важны (в связи с чем в последней части статьи нами рассмотрены ответы на анкеты женщин-калмычек). Материалами исследования послужили фразеологизмы, пословицы, поговорки, свободные сочетания слов, связанные с лексико-семантическим полем «счастье», и результаты анкетирования студентов КГУ.

2. В калмыцком языке концепт «счастье» представлен словами: *кишг, жирбл, хов*. Эти слова не совпадают полностью в объеме своего содержания, однако все

они включают тему «благополучие».

Слово «жирбл», помимо этого общего компонента, содержит 'блаженство', 'наслаждение'. Слово «хов», кроме темы 'благополучие», 'блаженство', включает тему 'удача', 'везение' (ховтэкун 'удачливый', 'везучий', 'счастливый'). Следует обратить внимание на тот факт, что слова жирбл и хов имеют, помимо значения 'счастье', ещё и другие значения. У слова жирбл словарь под редакцией Б.Д. Муниева первым значением фиксирует значение 'жизнь'. У слова хов вторым значением словарь фиксирует - 'судьба', 'участь'.

Для дальнейшего раскрытия содержания концепта обратимся к фразеологизмам, пословицам и поговоркам. О включенности компонента «труд» в этот концепт свидетельствует следующее выражение: *кишгтэ кун кодлмшч, кишвэ кун аля* 'трудолюбивый человек - счастливый, бездельник - несчастливый'. О противоречивости представления калмыков о ценности труда в концепте «счастье» свидетельствует то, что, наряду с выражениями, олицетворяющими счастье с трудом, имеются и следующие: *кишгэн эдлэд, чикэн атхад кевтх* 'лежать да поплевывать' (букв.: счастьем своим пользуясь, лежать, зажав уши); *кишгнь ирэд, киимнь Ыолилэд* 'от безделья не знать, что делать' (букв.: пришло его счастье, и толстая кишка наливается жиром). Следовательно, для достижения счастья человек должен трудиться, без труда счастье невозможно, а достигнув его, человек ничего не делает и очень сыт. Значит, по представлениям калмыков, счастливый человек - это тот, который, много потрудившись, блаженствует в сытости, ничего не делая.

Концепт «счастье» включает также компонент 'здоровье': *овчн уга кишгтэ, орн уга байн* 'не болеешь - счастлив, не имеешь долгов - богат'.

Есть фольклорные данные, свидетельствующие о том, что разрушает счастье, что лишает человека счастья: *эркэс жирбл уга, алябяс олз уга* 'нет счастья от вина, нет пользы от праздной жизни'.

Интересно отметить тот факт, что фольклорные данные не дают основания для утверждения о включенности «любви» в концепт «счастье», нет данных о том, что чувства мужчин и женщин друг к другу составляют счастье. В этом нам видится особенность концепта «счастье» и этнического менталитета калмыков, в складывании которого ключевое место принадлежит лингвокультурным концептам. Если сравнить с представлениями о счастье носителей западной культуры, то в западной культуре любовь (во всех её проявлениях) является неотъемлемым компонентом данного концепта. В калмыцкой традиционной культуре не принято говорить о сокровенном, открыто говорить об интимных чувствах, признаваться в любви, говорить об этом считается стыдным. Это одна из тем - табу. Видимо, поэтому этот важный в западной культуре компонент концепта «счастье» не оказался представленным в пословицах, поговорках, фразеологизмах, тех фрагментах языка, где зафиксировано этническое видение

мира, традиционное представление народа.

Небезынтересно также и то, что в представлениях современных калмыков и в первую очередь женщин, которые ярче, образнее видят и чувствуют этот мир, компоненту «любовь» в концепте «счастье» отводится важное место. Наши анкетные данные показывают, что, чем моложе калмычка, тем важнее для её представления о счастье любовь. Чем старше, чем «ближе» она к традиционной культуре (через воспитание в традиционной семье, где соблюдались калмыцкие обычаи, почитались старшие и т. д.), тем она менее склонна выделять этот компонент. Как показывают данные анкет, кроме возраста, та кое представление зависит от критерия «местожительство». В этом отношении женщины-сельчанки ближе к традиционному представлению; горожанки и женщины, проживавшие долгое время вне этнической среды, склонны выделять этот компонент в концепте «счастье». Можно говорить о трансформации традиционного представления о счастье у современных калмычек под влиянием русской и шире - западной культуры.

Интересное толкование единственной пословицы на тему «счастье», в которой называется женщина (ховтэ кунд хортэ куукн' удачливому, счастливому человеку - 20-летнюю девушку в жены'), дает фольклорист Е.Э. Хабунова [2]. Раньше девушку рано, в 14-15 и даже 12 лет, выдавали замуж, особенно в семьях бедняков, поэтому у мужа возникали сложные проблемы с ее воспитанием, жизнью с такой неопытной женой. Если же человек счастлив, то ему доставалась 20-летняя, готовая к семейной жизни, опытная жена. Возникает вопрос, свидетельствует ли это о том, что «счастье» понимается как нечто заложенное в судьбе, предначертанное ею (аналог представления русских: «не родись красивой, а родись счастливой»)?

Более позднее, возникшее под влиянием буддизма представление передает пословица зовлн уга-жирНл уга' без страданий счастья- жизни нет'.

Рассмотрение пословиц, поговорок, фразеологизмов, созданных на базе слов лексико-семантической группы «счастье» (кишг, жирьл, хов), позволяет определить отношение калмыков к счастью. Калмыки мечтают о крепком счастье: наиболее частым в благопожеланиях является сочетание 'бат кишгтэ'. Счастье в представлении калмыков не является постоянным состоянием. Оно может прийти (кишгнэ иржэнэ 'везет, посчастливилось', букв.: счастье его приходит), его можно потерять (кишгэн алдх 'упустить счастье'; кишгэн барад, мишгэн уурх' обнищать' тащиться с пустой сумой), оно может закончиться (кишгэн чилэх' разориться', букв.: закончить счастье). Можно ждать счастье, надеяться на счастье (ховэсн цокрдго 'от счастья, надежды не отрекаются') можно потерять надежду на счастье (ховэсн цокрх' потерять надежду на счастье'). Счастье можно испытать самому (жирпл эдлх 'испытывать счастье'), им можно осчастливить кого-либо (кишгзях 'осчастливить', 'одарить милостью

либо'; букв.: счастье свое ниспослать). Значит, счастье преходяще, оно не Шляется чем-то вечным.⁹ Каждый ли человек по традиционным представлениям калмыков бывает счастлив? Материалы свидетельствуют о том, что есть кишгтэ' счастливые', ховтэ' удачливые', 'счастливые', есть муульта' несчастные', 'обездоленные'. Однако и у сироты есть счастье: ончнэ кишгнэ овртнэ 'счастье сироты за пазухой'. Если сироты есть свой оберег, и у него есть счастье, то и у плохиша есть счастье (киртэ кун кишгтэ' грязный человек - счастливый').

Счастье мыслится как индивидуальное (кишгнэ - мини, кергнэ - чини 'счастье - мое, дело- твоё') и семейное (гер булин жирьл 'семейное счастье'). В разных сферах калмыки видят счастье мужчины и женщины (куукд кун сун жирьлдг, залу кун йовж жирьлдг 'женщина счастлива домом, мужчина - дорогой'). Ролевые различия мужчин и женщин проявляются в том, что счастье их представляется в разных сферах: женское ограничено семьей, а мужское находится за порогом дома. Значит, по традиционным представлениям калмыков, мужчине счастье может приносить работа, а женщине - дети, семья. Надо сказать, что в ответах современных калмычек семья и дети также называются в качестве источников их счастья. Однако, наряду с этими традиционными составляющими, многие из них указывают на то, что успех в работе, карьере, реализация личностных и профессиональных качеств приносит им счастье.

К потере мужского счастья приводит тунейдство, беспутство, в то время как тунейдство и беспутство женщины приводит к физическим потерям (куукнэ алянэ цогцан геедг, ковунэ алянэ жирьлэн геедг 'непутёвая девица теряет тело, тунейдец-парень теряет свою жизнь - счастье').

Итак, в традиционном представлении калмыков счастье многопланово. Оно олицетворяется с благополучием, здоровьем, работой. Однако прямой понятийной дефиниции «счастья» не прослеживается. По представлениям калмыков, счастье не вечно. Человек живет в ожидании счастья, в надежде на него; счастье можно потерять; оно может прийти, им можно наслаждаться; оно может закончиться, его разрушает пьянство. В разных сферах видится калмыкам мужское и женское счастье: счастье мужчины - в пути, за порогом дома; счастье женщины - в доме. Счастье бывает семейным и индивидуальным. Не обделен счастьем и сирота, у которого есть свой оберег, и плохиш. Путь к счастью соряжен со страданием. На фольклорном материале нами не определяется важное положение, заложено ли счастье в судьбе человека? Создается ощущение того, что оно предопределено судьбой.

3. Фразеологизмы, как и пословицы, поговорки, позволяют судить о традиционном содержании концепта «счастье». Материалы произведений современных авторов, анкетирование позволяют создать представление о том, какое содержание вкладывают в это понятие наши современники, и, таким образом,

изменилось ли оно под влиянием сегодняшних реалий. Для рассмотрения этих вопросов нами было проведено анкетирование среди студентов старших курсов КРУ. В анкетировании участвовали 44 человека- 22 студента 5 курса специальности «зарубежная филология» и столько же студентов 6 курса заочного отделения специальности «калмыцкий язык и литература». Средний возраст, студентов специальности «зарубежная филология» - 22 года, средний возраст студентов специальности «калмыцкий язык и литература» - 37 лет, (среди них-студенты, старше 45 лет, имеющие внуков). Следует оговориться: здесь будут представлены только женские ответы. Ответы мужчин (в анкетировании участвовало 5 мужчин) рассматриваются как фоновые. Анкета содержала 4 вопроса:

- 1) В чем заключается женское / мужское счастье ?
- 2) В чем заключается счастье женщины-калмычки, мужчины-калмыка?
- 3) О чем вы мечтаете?
- 4) Чего, по-вашему, вам не хватает, чтобы быть по-настоящему счастливой (-ым)?

В своих ответах студенты называют следующие составляющие концепта «счастье»:

- 1.Семья, дети.
- 2.Здоровье
- 3.Любовь, взаимопонимание
- 4.Достаток, финансовая самостоятельность
5. Работа, карьера
- 6.Образование
- 7.Жизнь на родине
- 8.Стабильная жизнь
- 9.Мир в стране
- 10.Мир во всем мире.

Первые пять компонентов названы в подавляющем большинстве анкет. Следовательно, современные калмычки свое счастье видят в семье, детях, здоровье, любви, достатке, работе. Компонент «любовь» в концепте «счастье» на фольклорном материале не выделяется, об этом уже говорилось выше.

Все интервьюируемые говорят о том, что счастье видится ими в хорошей работе, приносящей удовлетворение и уважение людей, некоторые добавляют: «высокооплачиваемой работе». Молодые калмычки мечтают сделать карьеру, добиться продвижения по службе благодаря собственным способностям, без протекции. В этом проявляется изменение статуса женщины в обществе и семье, участие её в создании семейного достатка; образование, современное воспитание, ориентированное на русскую и западную культуру и, в особенности, резкие изменения в общественном сознании, произошедшие за после-

Часто в анкетах говорится о том, что счастье невозможно, когда рядом война, терроризм, криминал: это «делает счастье легко уязвимым», «может разрушить счастье», «не дает ощущения полного счастья». В ответах калмычек, старше 40-45 лет, называется компонент «мир во всем мире», что свидетельствует об их более зрелом, основанном на жизненном опыте понимании. Однако в этом можно видеть и проявление «коллективистского представления», свойственного советскому человеку, который мыслил глобально, планетарно. Индивидуальное им оценивалось как мещанское и непролетарское. Осуждалась тихая, уютная жизнь; достаток оценивался как результат нетрудовых доходов. Напротив, нехватки рассматривались как атрибут честного труда; жизнь должна была быть активной, на виду у всех («покой нам только снится», «и вновь продолжается бой» - лейтмотив нашей не столь далекой жизни). В ответах молодых калмычек это отсутствует.

Студенты специальности «зарубежная филология» на вопрос, в чем заключается счастье калмычки (-ка), ответили, что никакого различия в счастье калмычки (-ка) и женщин какой-либо другой национальности не видят. «Счастье не имеет национальности », - ответила одна студентка. В ответах студентов специальности «калмыцкий язык и литература» говорится о том, что калмычка счастлива, если живет у себя на родине, в окружении родственников, дышит степным воздухом, пьет калмыцкий чай, соблюдает обычаи предков и ею гордятся родственники, особенно родственники мужа. Молодые калмычки, особенно знакомые с западной культурой, не обнаруживают проявления в этом отношении этнических чувств. Некоторые готовы работать в любом городе, в любой стране, не проявляют привязанности к родной земле. В их сознании этнические компоненты «затемнены». В своих ответах они не говорят о том, что счастье можно испытывать в кругу родных, на родной земле. Они же часто олицетворяют счастье с любовью, любимым человеком, любимой работой.

Многие студенты пишут о том, что для «полного» счастья им не хватает Денег, материальных благ, при этом, как правило, оговаривают, что это не главное, но без этого счастье невозможно. В некоторых ответах сельчанок ГОВОРИТСЯ о том, что они мечтают о жизни в городе, о том, чтобы у них было «пусть маленькое, но свое жилье с удобствами», «пусть даже в поселке, сейчас живу с 2 детьми в общежитии, целый день работаю, а получаю мизерную зарплату».

Мечты молодежи совсем иные: найти любимого человека, опору, крепкое плечо, хорошую работу, жить в большом городе, путешествовать по миру. Кстати, у молодежи это в мечтах называется чаще всего). Представляется, калмыцкой молодежи свойственны несколько нереалистические, навязанные западным кино мечты.

Как молодые, так и калмычки среднего возраста пишут о том, что им принесут счастье крепкие, здоровые дети, имеющие хорошее образование. Последний критерий называется почти во всех ответах: образование как условие для получения хорошей работы, для жизни в достатке, самореализации личности профессии, продвижения по службе и т.д. Следовательно, образование можно выделить в качестве компонента концепта «счастье» у современных калмыцких женщин.

Изучение ответов убеждает нас в том, что у современных калмычек есть четкое представление о счастье, они уверенно называют «компоненты счастья», хотя свои размышления они предваряют словами: «счастье - очень сложное понятие», «у каждого человека есть свое представление о счастье» и т.д. Однако ни в одном из 44 случаев не фиксируется отказ от ответа. Можно говорить о том, что возраст, тип воспитания, специальность проявляются в определении иерархии признаков счастья (к примеру, для молодежи любовь, работа очень значимы, в то время как у калмычек среднего возраста такой же ценностью обладают здоровье, достаток).

У современных калмычек шире представление о счастье: они включают, наряду с традиционными компонентами (семья, дети, здоровье, достаток), компоненты любовь, взаимопонимание, карьера. Некоторые пишут о том, что для счастья у них нет терпимости, усидчивости, решительности, т.е. они предъявляют требования к себе. Они не думают, что счастье придет само и предначертано судьбой, но и не считают, что за него надо бороться. В этом видится нам свойственное калмыкам отношение к счастью: некая пассивность, умозрительность в достижении счастья. У молодежи фиксируется тенденция к «ослаблению» этнического в содержании концепта «счастье». Это обнаруживается в их ответах: «счастье калмычки ничем не отличается от счастья женщины другой национальности», а также в том, что они не обязательно связывают счастливую жизнь с проживанием на родине, в кругу родственников, в окружении родной природы.

Хотя анкета не содержала вопрос, счастливы ли вы, некоторые написали, что они очень счастливы. При этом обнаруживается тенденция, уже названная выше: чем моложе информант, тем уверенней, оптимистичней ответ (да, я сейчас счастлива), чем старше информант, тем чаще говорится о том, что мешает чувствовать себя счастливой («экономический кризис изменил мужа, он стал раздражителен, резок», «несколько лет назад потеряла мужа», «не могу найти хорошую работу», «постоянно не хватает денег», «нет взаимопонимания» и т.д.). Некоторые молодые, еще не знают, что именно им принесет счастье, однако уверены в том, что не связано со счастьем («наблюдая за жизнью 45- 50 летних измотанных, издерганных жизнью женщин, не хочу быть на них похожей, хотя не стоит зарекаться...»). Представление о счастье, сформированное под влиянием воспитания, литературы, образования, окружающей действитель-

ности - стабильная индивидуальная характеристика, имеющаяся у каждого человека. Однако иерархия компонентов зависит от возраста, образования, социального статуса человека. Как показывают результаты наших анкет, у современных молодых калмычек усиливается тенденция преобладания социального над этническим, «затемняется» этнический компонент в концепте «счастье», без которого немислим человек, в особенности женщина.

Библиографический список

- Пюрбеев ГЦ. Концепт судьбы в культуре монгольских народов // Теегин герл, 1999. № 6
Пюрбеев ГЦ. Понятие души в культуре монгольских народов // Известия Калмыкии, 2000.30 июня.

Калмыцкий государственный университет

Народы Калмыкии: проблемы идентичности и менталитета. Элиста: КалмГУ, КТИ (филиал) ПГТУ, 2005. – 200с.